

АНДРЕ ШЕНЬЕ

Ямбы

*Перевод с французского Геннадия Русакова **

Пушкин назвал Андре Шенье певцом «любви, дубрав и мира». Такова его анакреонтическая лирика. Но Шенье стал также создателем глубоких и страстных «Ямбов» и героем известной легенды о поэте, павшем жертвой революционной нетерпимости. (Эта легенда воплотилась в таких замечательных произведениях, как элегия Пушкина «Андрей Шенье», поэма Гюго из его «Легенды веков», роман Альфреда де Виньи «Стелло».)

Между тем гибель Шенье и создание им на пороге эшафота «Ямбов» не были случайностью; антиякобинские, антиробеспьеровские позиции поэта не явились результатом лишь неожиданного поворота судьбы. При этом он был противником не Революции, а якобинского террора, не участвовал в заговорах, а выражал свои взгляды открыто, как публицист и поэт.

Андре Мари Шенье был сыном либерально настроенного французского дипломата и гречанки, внушившей сыну преклонение перед культурой Древней Эллады. Он родился в Константинополе в 1762 году, вскоре же был привезен во Францию, но, возможно, первые детские впечатления не совсем забылись и помогли ему в дальнейшем столь тонко и столь пластично передать в стихах атмосферу южных роц, залитых жгучим солнцем, южной неги и едва пробуждающегося любовного волнения. Своими анакреонтическими стихами, так восхищавшими затем поэтов-романтиков (в том числе Батюшкова, Баратынского и молодого Пушкина), Шенье порывал с холодной рассудочностью классицизма, наполнял поэзию неподдельным чувством, используя, правда, лишь язык условной античности, и открывал литературе новые горизонты. Не дожив до начала нового века, Шенье тем не менее стоит у истоков поэзии девятнадцатого столетия.

Шенье при этом был сыном своего времени, он верил в торжество разума, вообще разумного начала в жизни общества. Сочинения философов-просветителей он внимательно читал.

* АНДРЕ ШЕНЬЕ — Ямбы (Перевод с французского Геннадия Русакова. Вступление А. Д. Михайлова) // *Иностранная литература*, 1989, № 7, 145–153.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://www.imwerden.de>

Шенье был в Лондоне, когда пала Бастилия, и тут же, полный надежд и молодого энтузиазма, вернулся на родину. Здесь он включился в бурную жизнь первых месяцев революции и создал восторженную революционную оду «Клятва в Зале для игры в мяч». Приветствовав провозглашение «Декларации прав человека и гражданина», Шенье посчитал своим долгом последовательно выступать за законность, за правовое государство, за конституцию. Вот почему он примкнул к клубу фельянов, ратовавших за строгое соблюдение законов и декретов. Считается, что клуб этот был прибежищем крупной буржуазии. Верно. Но также — либерально настроенной интеллигенции, наследницы просветительских идей.

Начинается короткий, но напряженный период в жизни Шенье. Поэт публикует политические брошюры, помещает статьи в газетах и журналах. Постепенно определяется основная мишень его политических выпадов — жирондисты и особенно якобинцы и их вожди — Бриссо, Робеспьер, Колло д'Эрбуа. Что же отстаивает Шенье, в чем упрекает своих оппонентов? Он отстаивает гражданский мир и законность, отстаивает интересы человека, просто человека, вне зависимости от его сословной принадлежности. Он не противопоставляет отдельного человека и народ, понимая, что, с одной стороны, устремления народа складываются из побуждений, чаяний, надежд и желаний отдельных его членов, а с другой, понятие «народ» достаточно расплывчато и абстрактно и может удобно прикрывать намерения политиканствующих демагогов. Выступает Шенье, конечно, против террора, справедливо полагая, что на страхе и на разгуле низких страстей нельзя строить всеобщее благо. «Человек добродетельный и свободный, — писал Шенье в одной из брошюр, — подлинный гражданин, говорит только правду и говорит ее всегда и всю до конца. Отвергая сиюминутную популярность, желая выглядеть значительным в глазах других лишь благодаря своей непобедимой твердости в поддержке всего, что хорошо и справедливо, он ненавидит тиранию и преследует ее, где только она не обнаружится». Шенье судит очень трезво. Он видит, к чему могут привести, говоря словами Пушкина, «порывы буйной слепоты» и «презренное бешенство народа». Оставаясь патриотом, понимая интересы нации, он отстаивает общечеловеческие идеалы, отстаивает гражданские свободы, столь романтически провозглашенные революцией, но понимаемые отдельными ее вождями весьма ограничительно.

Органическим продолжением публицистики Шенье стала его поэзия.

Старательный ученик античных лириков (он им охотно подражал в своих буколиках, элегиях, одах), Шенье выбрал для нового цикла испытанный старинный жанр обличительного стихотворения и ориентировался в этом, в частности, на пример древнегреческого поэта Архилоха. Сам древний жанр предопределил острую публицистичность «Ямбов». Но они стали образцом большой поэзии, продолжив в какой-то мере традиции гражданской лирики Вольтера и проложив путь поэтам XIX века, прежде всего Барбье и Гюго.

Свой цикл поэт не завершил; он более или менее закончил девять стихотворений, еще шесть остались в набросках. В нашей публикации мы представляем этот цикл полностью впервые в русском переводе (ради этой целостности мы перепечатаем последнее стихотворение из книги «Поэзия Франции XIX в.», М., 1985).

«Ямбы» Шенье полны патетики, их образный строй ярок и подчас даже груб. Широкие обобщения чередуются со страстными проклятиями в адрес конкретных политических деятелей эпохи, которым поэт пророчит скорую гибель. Ратуя за справедливость, за закон («Мой гнев — законности слуга»), поэт впадает порой в такую же нетерпимость, как и его враги-якобинцы. Это, видимо, было неизбежно: насильственный переворот настолько раскрепощает страсти, что этот грандиозный всплеск эмоций захватывает всех, особенно тех, кто не хочет — как это пытался сделать, по его словам, аббат Сьейес — отсидеться и переждать. Однако в стихах Шенье за личной ненавистью и нетерпимостью к произволу нельзя не ощутить боль за родную страну, раздираемую гражданской войной и оказавшуюся в водовороте страстей и своекорыстных интересов.

Но рядом с полными ярости инвективами мы находим в «Ямбах» элегические ноты, выраженные столь сильно и столь искренне, что, видимо, они прежде всего и поразили и пленили поэтов-романтиков. Не случайно так привлекало их также написанное в тюрьме, полное глубокого лиризма стихотворение «Молодая узница»:

Так, пробудясь в тюрьме, печальный узник сам,
Внимал тревожно я замедленным речам
Какой-то узницы... И муки,
И ужас, и тюрьму — я все позабывал
И в стройные стихи, томясь, перелагал
Ее пленительные звуки.

(Перевод А. Алухтина)

Есть в «Ямбах» и точные зарисовки тюремного быта, и трагичнейшие переживания человека в ожидании скорой казни (как, например, в последнем стихотворении цикла):

Погас последний луч, пора заснуть зефиру.
Прекрасный день вот-вот умрет.
Присев на эшафот, настраиваю лиру.
Наверно, скоро мой черед.

Есть в стихах Шенье и минутная слабость, сомнения в правильности избранного поэтом крестного пути, но одновременно — вера в грядущее торжество справедливости, которое будет достигнуто, в частности, и благодаря неумирающему поэтическому слову.

Робеспьер пал 27 июля 1794 года. Шенье был казнен за два дня до этого, 25 июля, в пору последних пароксизмов якобинского террора, особенно бессмысленных и беспощадных. Изданы стихи Шенье были лишь в 1819 году.

Весной 1825 года Пушкин написал в Михайловском свою знаменитую элегию «Андрей Шенье». Стихотворение это вызывало споры. В нем нередко старались увидеть прежде всего автобиографические мотивы: сидящий в темнице поэт в ожидании неизбежной казни сопоставлялся с опальным поэтом, который живет под надзором полиции в своем имении, принимает гостей, посещает соседей — Осиповых и Вульффов, — ухаживает за Анной Петровной Керн... Различие очевидное, кричащее. Пушкин не сравнивал себя с Шенье, он создал произведение, полное исторических обобщений (где доминирует тема поэта и власти), но о конкретном поэте и о конкретной ситуации. Эта элегия — о трагедии большого поэта, радостно встретившего революционные перемены (что отразилось в 44 стихах пушкинской элегии, которые, как известно, не были пропущены цензурой) и павшего жертвой политического экстремизма. Пушкин вкладывает в уста Шенье яркие слова обличения недавних революционеров, узурпировавших власть — как бы в интересах народа, — но обернувших ее против отдельных граждан, в своей совокупности этот народ и составляющих:

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;

Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных;
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-Эвмениду!

В пору народных смут и возмущений поэт может, конечно, и промолчать. Но большой, подлинный поэт именно на этих крутых поворотах истории и становится гражданином. Его выбор редко бывает верен, ибо в обстановке кровавой гражданской войны любой выбор оказывается наихудшим, и в этом состоит трагедия поэта и трагедия его эпохи. И тогда поэт погибает. Так произошло с Андре Шенье. Так написал об этом Пушкин в своей элегии. Уроки истории и уроки поэзии.

А. Д. Михайлов

I

«В его строке — свинец. В его горячих венах
Неистовая желчь течет».
А я двенадцать лет в долинах сокровенных
Копил стиха блаженный мед.
Придет моя пора — и я раскрою улей,
И подтвердит мой каждый слог:
Не мщение, не злость в меня глагол вдохнули.
Когда-то страстный Архилох,
Обманутый в любви двурушничеством тестя,
Могучим ямбом прогремел.
Мне ни к чему Ликамб, я не для этой мести
Строку отгачивать умел.
Я не метал громов из мелочной гордыни.
Мне лишь отчизна дорога.
А снизойдет к ней мир — и желчь во мне остынет.
Мой гнев — законности слуга.
Мне против грязных гидр, на страх Питонам черным
Огнем и сталью потрясать.
Безжалостно давить, давить гадюк тлетворных —
Чтоб человеку жизнь спасать.

II

Кому ты, Пантеон, распахиваешь своды
И раскрываешь купола?
Что так слезлив Давид, кому несет в угоду
Кисть, что божественной слыла?
О небо! О судьба! Поверить ли фортуне?
О гроб, залитый морем слез!
А как небось Барер стенает на трибуне —
Аж пафос в клочья, на износ!
Ну, шуму по стране! Набат, сердца пылают,
Негодование души жжет.
Вот якобинцы им рыданья посылают.
Бриссо, который не солжет,
Твердит, что углядел, как в смраде испарений
Свернулся пеленою мрак:
Клубилась кровь и слизь каких-то испражнений,
Рожденных мерзостью клоак.
А это к праотцам зловещей, грязной тенью
Душа Марата отбыла...
Да, женская рука и впрямь во дни цветенья
Такую жизнь оборвала!
Доволен Кальвадос. Но эшафот в накладе:
Петле за сталью не поспеть.
Кинжал и Пелетье успел туда ж спровадить...
С Маратом есть о чем жалеть:
Он, как никто, любил чужую кровь, страданья.
Скажи «подлец» — в ответ кричат
«Бурдон!» и «Лакруа!»... Достойные созданья...
Но первым все же был Марат.
Да он и был рожден под виселичной сенью,
Петли надежда и оплот.
Утешься, эшафот. Ты — Франции спасенье.
Тебе Гора вот-вот пришлет
Героев на подбор — шеренгой многоликой:
Лежандр (его кумир — Катон),
Заносчивый Колло — колодников владыка,
За ними Робеспьер, Дантон,
Тюрьо, потом Шабо — переберешь все святцы:
Коммуна, суд и трибунал.
Да кто их перечтет? Тебе б до них добраться...
Ты б поименно их узнал.
С отходной сим святым, достойным сожалений,
Пришел бы Анахарсис Кло,
А может, Кабанис, другой такой же гений —
Хотя б Грувель, не то Лакло.
Ну, а по мне, пускай надгробные тирады
Произнесет добряк Гарат.
Но после ты их всех низвергни в темень ада —
Долизывать Марату зад.

Да будет им земля легка в могильном мраке,
Под сенью гробовой доски:
Глядишь, тогда скорей отроют их собаки —
Растащат трупы на куски!

Гражданин Архилох Мاستигофор

III

Я слышал — изменив холодному презрению,
Разгорячились вы всерьез,
Когда вам «Монитор» дурацкое творенье
Глупца Барера преподнес.
Труды педанта вас вконец разволновали,
А стыд и страх ввели во грех,
И вы его при всех фракийцем обозвали, —
Мол, перепортил женщин всех.
К тому же говорят... Но я-то полагаю,
Что честь, краса в глазах молвы
Любым наветам вас всечасно подвергают...
Однако, сказывают, вы
Хоть шепотом, но все ж по адресу подонка
К фигурам, истинно мужским,
Добавили «подлец», «сутяжная душонка»
И пару слов, подобных им.
Вам это не к лицу. Пусть он таков, но все же...
Не дело черни подражать.
Забудьте их язык. Бесстыдство речи может
Бесстыдство дела поддержать.

IV

Безвестность подлости казалась им укрытьем...
.....
Но колченогий слог карающей эподы
Их неминуемо найдет.
Ты, Парос — диамант, накрытый синим сводом,
Слепящий зрак эгейских вод.
В подземной тишине вершит Природа дело,
Ее работе нет конца.
Зато из недр твоих выходит мрамор белый
Для кропотливого резца.
А чтобы высший срам запечатлели строчки,
Есть мрамор-ямб, есть сталь в пере.
Так прокали его, готовь его к отточке!
Сын Архилоха, встань, Андре!

Не опускай свой лук — он устрашенье сброда.
Пусть, унаследовав твой стих,
Грядущие века, всесущая природа
Заголосят при виде их:
— У, свора подлецов! Чудовищ! Прокаженных,
В пылу резни и грабежей
Привыкших вымещать свой страх на слабых женах,
Не умертвляющих мужей,
На нежных сыновьях и на отцах несчастных,
Уже бессильных их спасти,
На братьях, чья вина — в усилиях напрасных
От братьев муку отвести!
Жизнь и у вас одна... всего одна, вампиры!
И вы искупите лишь раз
Страдания и прах, рыданья и руины —
Всё, проклинаящее вас!

V

Но вот они живут, а наша скорбь, владыка,
К тебе в мольбах не прорвалась.
И лишь поэт, о Бог, могучий в ратной силе,
Пленен, предсмертно одинок,
Приладив на стихи пылающие крылья
Громов, что ты метнуть не смог,
Откликнулся на зов достоинства и чести,
Вверяя судьям сатаны
Лжесудей, чьи суды — резня на лобном месте,
Вина — в отсутствии вины.
Дай мне, владыка, жизнь! Тогда-то эта свора
Закрутится от стрел моих!
И не укрыться им в безвестности позора:
Я вижу, я лечу, я их уже настиг.

VI

.
На двадцати судах с едва прикрытым днищем —
Чтоб выбить посреди реки —
Тех пленников везли в цепях, в последнем сраме...
И всех Луара приняла:
Проконсулу Карье, под винными парами,
По нраву скорые дела.

Вот этих слизняков, приказчиков разбоя —
Фукье, Дюма, как на подбор, —
Где, что палач и вор, равны между собою
Судья, присяжный, прокурор, —
У, как я их хлестал, багровых от разгула,
Когда, вином воспалены
И похотью томясь, они сидят оснуло,
Лоснятся, хвастают, пьяны,
Сегодняшней резней и завтрашним разором,
Перечисленьем подлых дел,
И радуются им, и песни тянут хором!
А для утехи потных тел —
Лишь руку протянул, лишь губы захотели —
Красотки вмиг разгонят хмель:
Поверженных забыв, они из их постели
К убийцам прыгают в постель.
Продажный этот пол слепит приманка славы.
Он — победителю вприклад.
Все, кто б ни победил, у женщин вечно правы:
На шее палачей висят,
В ответ на поцелуй губами ищут губы.
Сегодня наглая рука
Уже не встретит здесь ей недоступных юбок,
Стальной булавки у соска.
Раскаяние — ад, где ищут искупленья.
Но тут не каются, а пьют.
Ночами крепко спят, не зная сожаленья,
И снова кровь наутро льют.
Неужто же воспеть кому-нибудь под силу
То, чем бахвалится бандит?
Они смердят, скоты: копье, что их пронзило,
Само, тлетворное, смердит.

VII

Когда войдет баран в пещерный сумрак бойни
И поглотит его проем —
Отара, пастухи, последний пес конвойный
Уже не думают о нем.
Мальчишки, что за ним, гоняясь, ликовали,
Красоток разноцветный рой —
Они его вчера умильно целовали,
Украшив пестрой мишурой, —
Не вспомнят про него, когда мягка котлета.
Что в бездне помощи искать?
Мне ясен мой удел. Не надо ждать ответа.
Пора к забвенью привыкать.

Как тысячу других, отрезанных от мира,
Назавтра, стадо поделя,
Разделяют меня и выкинут для пира
Клыкам народа-короля.
А что могли друзья? Рукой родной и близкой,
Мой истомленный дух леча,
В решетку передать случайную записку
Да золотой для палача...
Живущий должен жить. Не мучайтесь виною.
Живите счастливы, друзья.
Вам вовсе ни к чему спешить вослед за мною.
В другие времена и я
Отвел бы, верно, взгляд от страждущих в неволе,
Не замечая скорбных глаз.
Сегодня мой черед кричать от этой боли,
Да будет жизнь светла для вас.

VIII

.
Живем и мы. А что ж. Наверно, так и надо.
Едим и спим в последний час.
Покуда смерть-пастух выгуливает стадо,
Пока топор не выбрал нас,
Тут сплетничают, пьют, мужьям очки втирают,
Ревнуют, пакости творят,
За картами сидят и юбки задирают,
Кропают вирши и острят.
Вон кто-то шар надул: он прыгает, летучий,
Набитый ветром, без помех,
Как речи семисот пошлейших недоучек —
Меж них Барер ученых всех,
А рядом мельтешат, острят и колобродят
Политиканы, болтуны.
Но заскрипела дверь — и на порог выходит,
Среди внезапной тишины,
Казенный поставщик кормов для тигров-судей...
Чье нынче выпало число?
Кто ляжет под топор? И леденеют груди...
И облегченно: пронесло!
Бесчувственный глупец, тебе — назавтра срок!
.

IX

Погас последний луч, пора заснуть зефиру.
 Прекрасный день вот-вот умрет.
Присев на эшафот, настраиваю лиру.
 Наверно, скоро мой черед.
Едва успеет час эмалью циферблата
 С привычным звоном пропорхнуть,
За шестьдесят шагов, которым нет возврата,
 Проделав свой недолгий путь,
Как непробудный сон смежит мои ресницы,
 И прежде чем вот этот стих
В законченной строфе с другим соединится,
 Наступит мой последний миг:
Войдет вербовщик душ, посланец смерти скорой.
 Под гоготанье солдатни
Он выкликнет меня в потемках коридора,
 Где я отмериваю дни,
Оттачивая строк карающие пики —
 Коплю бессильные слова, —
И рифма на губах затихнет в полувскрике,
 Запястья стиснет бечева.
Через толпу друзей по тесноте прохода
 Проволокут меня силком.
Я был одним из них до страшного прихода,
 Но я им больше не знаком.
Что ж, я пожил свое. Свобода побуждений,
 Мужская честь и прямота,
Святые образцы ушедших поколений,
 Блаженства робкая мечта,
Фемиды грозный лик над кровью преступленья,
 Высокой жалости урок,
Деянья старины, не знающие тленья,
 Горячность дружественных строк —
Их в мире больше нет! На что мне жить на свете,
 Где верховодят ложь и страх?
О трусы, только мы одни за все в ответе!
 Прощай, земля! Прими мой прах.
Довольно мешкать, смерть! Утишь мои мученья.
 Ты впрямь, душа, погребена
Под грузом бед? Но жить — такое наслажденье!
 И жизнь моя еще нужна.
Кто честен — тот, судьбой гоним несправедливо,
 Уже готовый в землю лечь,
Не опускает глаз, и так же горделива
 Его бестрепетная речь.
Но если не дано изменчивой судьбою
 Мечом потешиться в бою —
Чернила под рукой, а боль всегда со мною.
 Из них оружие скую!

И если, Правота, ни помышленьем тайным,
 Ни просто словом невпопад,
Ни жестом, ни хотя б сомнением случайным
 Перед тобой не виноват,
И если жжет тебя больнее всякой боли
 Тысячеустая хвала
Деяньям подлецов, ревнителей неволи, —
 Спаси меня! В разгуле зла
Я мститель твой, я длань, разящая громами!
 Уйти, не отстреляв колчан,
Не растоптав в грязи, в стыду, в позоре, в сраме
 Мерзавцев, сеющих обман, —
Кладбищенских червей, дорвавшихся до тела
 Несчастной Франции? Сюда,
Мое перо, мой крик, мой гнев — пора, за дело!
 Когда б не вы — что я тогда?
Вы жаркая смола, питающая пламя,
 Хоть факел выгорел до дна.
Я в муках, но живу, я неразлучен с вами.
 Надежды мощная волна
Меня несет. Без вас и жизнь — одна отравя:
 Тоски ощеренная пасть,
Соратники в ярме, палаческая слава
 Лжеца, палаческая власть,
Достойных нищета, изгнанников могилы,
 Закона пакостная ложь...
И в этом жить?! Ну нет! Всегда достанет силы
 Всадить в себя кинжал! Так что ж?
Неужто никого — почтить хотя бы словом
 Полеглих жертвами резни
И осушить глаза их сыновьям и вдовам,
 Чтоб окровавленные дни
Пугали палачей упорством возвращенья,
 Как неизбытая вина,
Чтоб их нашла в аду треххвостка отомщенья,
 Уже для них припасена?
Чтоб плюнуть им в лицо, мученье их смакуя?..
 Смерть, не стучись! Я отопру.
Страдай, гневись, душа, отмщенья взыскуя!
 Плачь, Доблесть, если я умру.

Примечания

I

Когда-то страстный Архилох... — древние греки считали Архилоха (вторая половина VII в. до н.э.) великим лирическим поэтом. Сватаясь к дочери паросского богача Ликамба, Архилох получил грубый отказ. В отместку за это он осыпал Ликамба оскорбительными стихами, написанными новым размером — ямбом. Опозоренный Ликамб покончил с собой. (*Здесь и далее прим. перев.*)

II

Давид, Жак Луи (1748—1825) — знаменитый французский живописец-классицист, близкий друг Робеспьера, один из видных деятелей Конвента. Его кисти принадлежит картина «Смерть Марата». Прах последнего, по предложению художника, поддержанному Конвентом, был перенесен в Пантеон.

Барер де Вьёзак, Бертран (1755—1841) — член Комитета общественного спасения, видный деятель Конвента. Известен своим красноречием, равно как экстремизмом своих заявлений в Конвенте, снискавших ему прозвище «Анакреон гильотины». Участник Термидора, позднее эмигрировал в Бельгию.

Бриссо, Жак Пьер (1754—1793) — видный политический деятель, депутат Конвента, жирондист. Отправлен на гильотину по решению Конвента.

Да, женская рука... — имеется в виду Шарлотта Корде, убийца Марата.

Доволен Кальвадос... — после убийства Марата ходил слух, что оно организовано жирондистами, укрывшимися в Кальвадосе.

Пелетье — Лепелетье де Сен-Фаржо, Луи Мишель (1760—1793) — видный деятель якобинцев. Заколот роялистом, так как был в числе депутатов Конвента, голосовавших за смертную казнь Людовику XVI. В январе 1793 года останки Лепелетье перенесены в Пантеон. Этот эпизод Великой французской революции запечатлен Давидом в картине «Последние минуты Мишеля Лепелетье де Сен-Фаржо».

Бурдон де ля Кроньер, Леонар (1754—1807) — член Конвента, враждовавший как с Робеспьером, так и с жирондистами.

Лакруа — Делакруа, Жан Франсуа (1753—1794) — дантонист, обезглавлен одновременно со своим знаменитым другом.

Лежандр, Луи (1752—1797) — якобинец, парижский мясник, один из ближайших друзей Дантона. 9 термидора был среди противников Робеспьера.

Колло д'Эрбуа, Жан Мари (1749—1796) — видный деятель якобинской диктатуры, член Комитета общественного спасения. Принимал участие в усмирении мятежа в Лионе, где несколько сот мятежников были расстреляны, так как Колло считал, что гильотина работает слишком медленно. В ведении Колло находились каторжные тюрьмы, на что намекает Шенье. Участник термидорианского переворота. Позднее отправлен на каторгу, где и скончался.

Тюрбо де ля Розьер, Жак Алексис (1753—1829) — депутат Конвента, близкий друг Дантона.

Шабо д'Алье, Жорж Антуан (1758—1819) — депутат Конвента, член Трибунала. Автор работ по юриспруденции, при Наполеоне — участник разработки гражданского кодекса Франции.

Анахарсис Кло — Дю Валле-де-Грас Клоотс (Кло — у Шенье), Жан Батист (1755—1794) — якобинец, депутат Конвента. Именовал себя «оратором всего человечества». Немец по национальности, Клоотс принял французское гражданство. Взял имя Анахарсиса — в честь скифского философа (ок. VI в. до н.э.), долгое время жившего в Афинах. Казнен по приговору революционного трибунала.

Кабанис, Пьер Жан Жорж (1757—1808) — врач и философ, друг Мирабо, философа-просветителя Кондорсе. Один из авторов наполеоновской конституции VIII года, следующим образом определивший ее суть: «Все делается для народа и во имя народа, ничто не делается его собственными руками и под его неразумную диктовку».

Грувель, Филип Антуан (1758—1806) — литератор и дипломат, секретарь Временного исполнительного комитета. В этом качестве зачитывал смертный приговор Людовику XVI.

Лакло — Шодерло де Лакло, Пьер Амбруаз Франсуа (1741—1803) — писатель (автор романа «Опасные связи») и политический деятель, якобинец. Выступал за низложение и казнь короля.

Гарат (правильнее Гара), Доминик Жозеф (1749—1833) — адвокат, профессор истории, в 1793 году был министром юстиции, затем внутренних дел Республики, после 9 термидора оставил пост. Впоследствии стал сторонником Наполеона, который даровал ему титул графа.

Архилох Мاستигофор — псевдоним, взятый Шенье в честь первого автора ямбов. Мастигофор (*греч.*) — вооруженный бичом блюститель порядка на улицах, в общественных местах и т.п.

III

Разгорячились вы всерьез... — личность адресата этого послания не установлена.

IV

Ты, Парос... — на острове Парос, в Эгейском море, добывается знаменитый белый мрамор.

VI

Карье, Жан Батист (1756—1794) — якобинец, участник усмирения мятежей в Нормандии и Бретани. Назначенный проконсулом в Нант, прославился своей жестокостью при расправах с мятежниками. Отозванный Робеспьером в Париж, вскоре предстал перед революционным трибуналом, который приговорил его к смертной казни на гильотине.

Фукье-Тенвиль, Антуан Кентен (1746—1795) — известен своей непримиримостью на посту прокурора Республики. Среди его наиболее известных жертв — Мария Антуанетта, Малерб, Дантон, Демулен. Осужден Конвентом и обезглавлен.

Дюма, Рене Франсуа (1757—1794) — председатель революционного трибунала, сторонник Робеспьера. После осуждения последнего 9 термидора пытался выступить против Конвента, был схвачен и без суда отправлен на гильотину.

Об авторах

АНДРЕ ШЕНЬЕ (ANDRÉ DE CHÉNIER; 1762—1794) — французский поэт и публицист. О нем и его творчестве — в предисловии А. Михайлова. Публикуемые стихи взяты из полного собрания сочинений Андре Шенье, вышедшего в Париже в серии «Библиотека Плеяды» (André Chénier. *Oeuvres complètes*. Paris, Bibliothèque de la Pléiade, Gallimard, 1950).

РУСАКОВ ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (род. в 1938 г.) — советский поэт и переводчик. Автор сборников стихов «Горластые ветры» (1960), «Длина дыхания» (1980), «Время птицы» (1985). Переводил с французского стихи Луи Арагона, Алена Боске, Жан-Пьера Фая, с английского — Томаса Мура, Джона Донна, Томаса Кэмпиона, сонеты современников Шекспира, с итальянского — Тонино Гуэрры, Чезаре Павезе и др.